

Поэтка

Татьяна
Март

КомпасГид
издательский дом

Татьяна Март

Поэтка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36329105

Поэтка: Время;

ISBN 978-5-00083-956-0

Аннотация

Даша – обычная необычная девочка: учится в школе, не всегда ладит с учителями, переживает из-за развода родителей, мечтает о настоящей любви и пишет стихи. Первый раз за свои пятнадцать лет красит волосы, целуется, побеждает на литературной олимпиаде. А еще нащупывает границы собственного, уникального мира, прежде казавшегося прекрасным и бесконечным. Для чего она, Дашка, живет на свете? Где кончаются книжные мечты и начинается реальная жизнь?

«Поэтка» – современная подростковая повесть на вечные темы: любовь, смерть, творчество, смысл жизни. Оригинальный жанр «повесть в рассказах» предлагает свободу чтения: от первой и до последней страницы или с любого рассказа, в любом порядке.

Содержание

Розовые страницы	5
Открытый урок	15
Страшные вопросы	19
Поэт и смерть	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Март

Поэтка

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Март Т., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
2024

Розовые страницы

Лежа на чужом жестком диване, под законный фолк-рок сентябрьского дождя Дашка доедала «Сникерс». Слезы текли не переставая уже давно – поневоле приходилось глотать их тоже, и соленая сникерсовая карамель казалась отвратительно пересоленной.

Почему-то вспоминалась вонючая серая рыба, которую часто подавали в школьной столовой – рядом с озером пюре, на щербатой тарелке.

В столовой Дашка честно пыталась обедать – быть включенной в систему, как повторял ей папа. А мама говорила проще: не отрываться от коллектива. Но ни пюре с островами-комочками, ни макаронные червяки, ни разваренные сардельки, которые повариха раскладывала по тарелкам рукой, такими же по-сарделичьи толстыми пальцами, – не шли ни в какое сравнение с обедом, взятым из дома. С *маминым* обедом. Ласково завернутые в прозрачную пленку, принаряженные ажурной салфеткой – бутерброды с сыром, тыквенные кексы, ровные квадратики тающей во рту запеканки... И на десерт в маленький круглый контейнер мама резала разноцветный фруктовый салат.

«Мама... Ты же раньше любила меня...» Дашка проглотила последний шоколадно-соленый кусочек, положила опустевшую обертку на пол возле дивана – утром не забыть

убрать за собой. Спрятала руку под тонкое одеяло, которым была укрыта. Холодно. «Мама... Зачем ты сегодня со мной так, за что?!»

И не в еде ведь дело. «Не хлебом единым жив человек», – откуда-то вспомнилось Дашке. Не хлебом, и не омлетом, и не маминой фирменной рыбой по-гречески, с бусинами си-не-черных маслин. Но папа говорил, что домашние дела – это служение, а приготовление пищи – язык любви. А мама кивала полушутя, и светлые кудряшки у маминого лица кивали с ней вместе. «Мариша, там в кастрюльке пирожки треугольные – это с чем?» Мама смеялась: «С любовью!» – и начинала папу тормошить-щекотать. Иногда и Дашка, за-видев такое прекрасное безобразие, кидалась к ним, и они смеялись втроем, дурачились, обнимались. И потом шли на кухню пить красный чай, любимый в семье, со смешным вороньим названием «каркаде», рубиновым цветом и кисловатым вкусом.

Дашка гордилась их кухонными посиделками, поездками в Эрмитаж, походами на природу – всем тем, что они делали вместе. Она знала: у них идеальная семья.

Треугольные пирожки незыблемо были с яблоками.

«Семейный» чай пили из больших глиняных кружек – в них он долго не остывал, и за чаем болтали обо всём на свете. У мамы с папой кружки коричневые, а у Дашки желтая. На одной стороне нарисован ежик, в лапах у него гриб с красной шляпкой. На другой – надпись:

Ежик по лесу идет,
Ежик мухомор несет.
Если дождик вдруг пойдёт,
Мухомор за зонт сойдёт.¹

Кружку мама с папой давным-давно подарили Дашке на день рождения. Тогда ей исполнилось пять, и месяц назад она сочинила свои первые строчки – вот эти, мухоморно-ежиные, а родители заказали кружку с рисунком и текстом.

С тех пор стихи Дашка стала писать получше, но по-прежнему пила каркаде из любимой кружки.

А однажды – тоже давно, сто лет назад, в пятом классе – Дашка налила красный чай, остывший, в бутылочку, взяла с собой в школу. Но крышку закрутила неплотно, и чай пролился в рюкзак. Особенно досталось книжке по теории русского языка: пропитавшись качественно заваренным каркаде, первые страницы нежно порозовели. По этому пособию занимались с пятого по девятый класс: в мае сдавали его школьной библиотечарше, в сентябре получали обратно. Было удобно, что все правила – в одной книжке, всё под рукой. Дашка очень переживала: испортила ценный учебник! Но с розовыми страницами стало красивее. В библиотеке его приняли без проблем – ничего не заметили, и на следующий

---

¹ Настоящий автор стихотворения неизвестен. (прим. ред.)

год Дашка присматривалась, не попалась ли кому из одноклассников эта «Теория», но с тех пор ее так и не видела.

Дождь не унимался, в комнате стало совсем зябко. От чужого белья, постеленного на диване, веяло дополнительным холодком стирального порошка. Холодно.

Дашка опять заплакала. Вспомнила, как они с мамой в тот день спасали учебник. Дашка открывала розовый разворот, а мама просушивала страницы феном. Заскучав, нацеливалась феном на Дашку – жаркая воздушная струя щекотала щеку, ерошила волосы, и обе они хохотали взахлеб.

Вечером пришел папа, одобрил розовые страницы. Сказал про них какое-то умное слово, что-то типа «феноменологично». И потом они вместе ужинали. Пили чай с маминными рогаликами.

А теперь выпечкой пахнет разве что от соседей. Месяц назад папа ушел. Сказал: «Поживу один». Сказал: «Я устал». И ничего толком нельзя было понять. Иногда он звонил Дашке, спрашивал, как дела. Пару раз они погуляли в парке – побродили под дождем по раскисшим дорожкам, папа оставил Дашке карманных денег. Разговоров не получалось.

Мама перестала готовить совсем. Приходила с работы – садилась у телевизора. И смеяться перестала, и светлые кудряшки свои укладывать – собирала волосы в депрессивный хвост. Дашка не знала, что с мамой делать. Подходила, обнимала. Так и сидели.

А вчера Дашка попросила на ужин рыбу. Запеченную с

маслинами. И зачем-то добавила неуверенно:

– Мам, ты... это... как-то уже в руки себя возьми...

И сама испугалась маминого взгляда в ответ – ледяного, незнакомого. «Ты что, мам, это я!» – захотелось крикнуть Дашке. А мама выпалила, как выплюнула, ей в лицо:

– Не нравится со мной – к отцу проваливай!

И добавила тише:

– Только не больно ты ему нужна...

Дашку будто ударили, в голове загорелось одно слово: больно! Больно очень даже. А мама повторила:

– Слышишь меня? Я тебе русским языком говорю: не нравится – проваливай.

Дашка вылетела из комнаты, из квартиры – скорей, скорей!.. Хотя куда – не к отцу же, в самом деле?.. Не больно – мама, мамочка, больно! – ему это надо. Через три ступеньки вниз... вниз... отсюда подальше... Больно... «Куда на ночь глядя-то?!» – и Дашка уткнулась в плащ тети Любы из второго подъезда, которая как раз возвращалась с работы домой.

– Даша, не спишь? – Тонкая полоска света упала на пол, в приоткрывшуюся дверь заглянула тетя Люба.

Дашка размазала по щекам разъедающие слезные ручейки, мазнула рукой по губам – не в шоколаде ли? Слабо улыбнулась – не сплю, мол, всё ок. Тетя Люба не торопясь подошла, оставила дверь открытой – коврик света стал шире. Дашка увидела, что на ней халат в крупную клетку, на голове железные бигуди – Дашкина бабушка носит такие.

– Даш, я у мамы была. Предупредила, что ты у меня заночуешь.

Вот так новости. И когда это она успела?

– Спасибо, – еле слышно пролепетала Дашка. В горле запершило то ли от шоколада, то ли от слез. – Извините, неудобно вышло, вам хлопоты...

– Да какие хлопоты, что ты! – Тетя Люба всплеснула широкими рукавами – в полутьме точь-в-точь волшебная толстая птица. Добавила озабоченно: – Тебе заснуть бы. Валерьяночки дать?

– Да нет, я ничего... Спасибо... – Дашка опять изобразила улыбку.

Хозяйка проворно оглядела комнату – всё ли в порядке, удобно ли Дашке. Заметила щель между шторами – взмахнула рукой, задернула их плотнее. Пробормотала себе под нос:

– Теплое одеяло дам.

Полоску света закрыла большая тень: хозяйка вышла, пошебуршила чем-то в соседней комнате. Вернулась, неся под мышкой скрученное руликом ватное одеяло. Развернула его, укутала Дашку, а легкое летнее забрала.

– Начало сентября – и холодина такая...

Холодина такая, огромная, серая, приходила к Дашке во сне. Надвигалась, давила, распадалась на дымные тени, и они корчились под дождевой перестук. Прилетала птица с металлическим хохолком, прогоняла Холодину, голосом тети Любы пела: «Спи-и... Спи-и...»

Дашка и проспала – полдня, до обеда. Повезло – выходной, в школу не надо. Дождь не кончился, и тетя Люба совала ей в руки зонт, но Дашка не стала брать – домой идти две секунды. Домой? А где у нее дом? Как она после этого станет жить с мамой? Как она вообще станет – жить? Переберется к деду и бабушке? У них крохотная квартирка, налаженный быт. Она поневоле начнет мешать. Или правда уйти к отцу? Но если он хочет быть – ужасная мысль! – не с ней и не с мамой, а с *другой* женщиной?! Куда идти? Кому она, Дашка, *больно нужна*? Больно...

В коридоре у стены стояли папины ботинки. Дашка встрепнулась, ожила, мигом поверила: всё будет как раньше! Раз – швырнула в угол мокрую куртку, два – сбросила кроссовки, три – бегом в комнату к родителям, скорее, скорее! На пороге споткнулась обо что-то, чуть не свалилась. Посмотрела под ноги – и увидела папину дорожную сумку. В ней валялись вперемешку рубашки, книжки, какие-то диски... Папа стоял возле раскрытого шкафа, в руках – пара свитеров. Заметил Дашку, шагнул к ней, неуклюже переступив через сумку. Чмокнул во влажную от дождя (от дождя?) щеку:

– Привет...

Он по-прежнему держал оба свитера и бестолково, на весу, пытался сложить – пополам и вчетверо. Получалось криво, и папа в итоге бросил их в сумку так, шерстяным комком. Развел руками, оправдываясь:

– Вещи вот собираю.

И стало понятно, что теперь – точно всё. Эпилог. Финиш. Баста. Без вариантов. Раньше была надежда: передумает и вернется. Через неделю, через месяц или полгода... Он и вернулся. Забрать вещи. Всё.

Дашка на деревянных ногах вышла в кухню. На диванчике там сидела мама – бледная, с очень прямой спиной, руки на коленях сцепила в замок. Дашка села рядом, такая же немая и неподвижная.

Очнулась, когда в кухню вошел папа. Из горы посуды на сушилке вытянул Дашкину кружку с ежиком.

– Зачем она тебе? – глухо спросила мама.

– Ну как же... – Папа растерянно улыбнулся. – Даша будет ко мне приходить, чай пить...

Мама вскочила. Мама – добрая, веселая, никогда на Дашкиной памяти не скандалившая – вскочила с дивана, ударила папу по щеке! И тут же – по руке с чашкой.

Дзынь!

Ярко-желтые осколки на полу. На одном из них, покрупнее, – мухоморная шляпка.

Мама упала ничком на диван, плечи вздрагивают. Кажется, пляшут.

А рыданий не слышно. Или просто Дашка не слышит. В мире словно выключили звук, и воспоминания остались такие – картинки. Папа. Мама. Чашка. Пляшущие плечи. Осколки.

А затем звуки резко включили: щелкнул дверной замок,

и на лестничной площадке тронулся лифт. Мама, по-старушечьи шаркая ногами, подошла к окну, распахнула его. Окно выходило во двор – сквозь начинавшую облетать листву хорошо было видно папу, который шагал к машине. Полупустая дорожная сумка болталась на папином плече. Машина пиликнула, признав хозяина.

– Закрой окно, – внезапно сказала Дашка.

Мама подняла на нее покрасневшие глаза, удивленно переспросила:

– Что?

– Ничего. Дует. – Дашка сама закрыла окно. – Нам задали много, пойду заниматься.

На полу валялся неразобранный пакет с новыми учебниками. Дашка вытряхнула все на стол: совсем тонкий учебник – по алгебре, солидный и пухлый – по литературе, комплект – по русскому: развитие речи, практика, тео...

Теория, да. Та самая, с розовыми страницами.

Дашка потянулась к книге, взяла ее в руки. Погладила, будто это был котенок или щенок. Наугад открыла один из розовых разворотов – достался параграф о чередовании – е-/и- в корнях. Правило было с двумя картинками: на левой – крупными буквами «соберу» и девочка с пустым лукошком идет за грибами. На правой – «собираю», девочка сидит на грибной поляне, лукошко наполовину полное. Если после корня – а- в корне пишем – и- (собираю). Если после корня другая буква – пишем – е- (соберу).

Дашка полистала учебник – пробежала пальцами по страницам, будто сыграла пьесу на клавишах рояля. «Чайных», розовых страниц набралось негусто. Окрасились первые десять, а после них шли обычные, белые.

У Дашкиного локтя возник поднос: чашка чая, тарелка с каким-то мелким печеньем. Мама? Мама... Постояла рядом, хотела что-то сказать, но только вздохнула. Положила руки Дашке на плечи, уткнулась лицом ей в волосы и выдохнула: «Прости».

Мамины руки были родные, теплые, со знакомым ароматом духов. Чашка была незнакомая, темно-зеленая, и слегка раздражала. На рубиновой поверхности каркаде плавала красивая звездочка аниса. «Удивительно, но „чайник долго остывает“ и „чайник долго не остывает“ – это одно и то же», – ни к селу ни к городу вспомнила Дашка шутку из интернета.

Открытый урок

Если бы Дашку спросили, кто из ее знакомых настоящий джентльмен, Дашка не задумываясь назвала бы Лёнечку. Он был невозмутим, элегантен, ходил в идеально отглаженных белоснежных рубашках и черных костюмах, закалывал галстук какой-то старинной булавкой, всегда пропускал даму в дверях и вежливо улыбался, посверкивая очками в тонкой оправе. Говорил Лёнечка мало и еле слышно, к любой фразе норовя добавить «пожалуйста» или «спасибо», а точнее, чаще please или thank you, потому что Лёнечка – Леонид Елизарович – преподавал в Дашкином классе английский.

Ученики Лёнечку не обижали, а уважали. Двоек он никогда не ставил, о программных туманах, индейке в клюквенном соусе и Биг-Бене рассказывал интересно, а не в стиле London is the capital of Great Britain.

После звонка на урок кроткий Лёнечка вставал перед классом, учтиво сияя – крахмальным воротничком, улыбкой, стеклышками очков. Робко, но с безупречным произношением говорил:

– Good morning, children.

Великовозрастные children дежурно тянули в ответ свой пресный «мо-онинг» и шумно рассаживались за партами.

Но иногда Лёнечку игнорировали – не нарочно. Просто он был очень тихий, а девятиклассники – громкие. На перемене

ходили по классу, что-то обсуждали-галдели – и не слышали ни звонка, ни учительского приветствия. Тогда Лёначка самую малость сиял у доски вхолостую, после чего вздыхал и повторял «Good morning» погромче, и урок начинался уже неминуемо.

В одно такое доброе утро Лёначка перешел с английского на свой джентльменский русский и застенчиво объявил:

– Господа, в среду к нам пожалует экспертная комиссия. Прошу вас подготовиться хорошо и держать себя подобающим образом.

Ученики закивали, а чей-то бойкий голос уточнил:

– Зачем комиссия-то?

– Я имею честь быть участником конкурса педагогических достижений, – объяснил Лёначка и, улыбаясь, добавил: – Комиссия прибудет, чтобы оценить мои достижения в деле вашего обучения.

По необычно блеклой Лёначкиной улыбке было понятно: комиссию он боится.

В среду вслед за Лёначкой в класс проследовали эксперты – две женщины средних лет и один пожилой мужчина, с какими-то папками в руках. Перемена продолжалась, ученикам велели ждать в коридоре. Через минуту, оставив экспертов одних, в коридор вышел и бледный учитель. То и дело поправляя воротничок рубашки – похоже, она душила Лёначку, – англичанин бродил по коридору туда-сюда. «Здравствуйте!..», «Здравствуйте, Леонид Елизарыч!..» – слышалось от про-

бегавших мимо учеников. «Здравствуйте, здравствуйте...» – шелестел учитель, не поднимая глаз, но тут...

Взлохмаченный третъёкклассник, летевший по коридору, траекторию полета не рассчитал и врезался... в Лёначку!

Лёначка покачнулся... развернулся... схватил мальчишку за плечи, потряхнул и раскатисто проревел:

– Куда же ты пр-р-решь, скотина?!

Все, кто был в коридоре, испуганно обернулись. И еще пару секунд озирались по сторонам, не опознав источник столь грозных звуков – в Лёначке. Щеки его алели, очки сверкали, очи за очками сверкали тоже. Он был великолепен!

Бедного мальчишку англичанин не выпускал и продолжал трясти. Вмешаться никто не решался. Жертва готовилась зареветь. Но тут прозвенел звонок.

Лёначка опомнился, провел рукой по лицу и шагнул в класс.

Тема урока была Choosing a Career – «Выбор профессии». Успокоившийся Лёначка вызвал отличника Колю Камышова, и тот неожиданно стал рассказывать, что хочет быть космонавтом.

– Work should bring real satisfaction, otherwise our whole life will become dull and monotonous. I am ready to devote all my life to look at the stars and to serve humanity...²– вдохновенно

---

² Работа должна приносить настоящее удовлетворение, иначе вся наша жизнь станет скучной и монотонной. Я готов посвятить свою жизнь тому, чтобы смотреть на звезды и служить человечеству... (англ.)

фантазировал Камышов на прекрасном английском.

Непонятно было, то ли он раскрывает душу, то ли паясничает и срывает урок.

Дашка слушала Колю вполуха, а сама с удивлением думала, что любой человек, даже черно-белый джентльмен или скучный отличник, – это загадочная Вселенная. И ежедневные встречи с ним – как выход в открытый космос...

Страшные вопросы

Дашка панически боится химичку Марью Тарасовну. Глупо в пятнадцать лет перед училкой так трепетать, но Дашка ничего с собой поделать не может. Дашкин папа назвал бы это «иррациональным страхом». Если Марья вызывает Дашку к доске, сердце сразу колотится, язык немеет и мысли в голове путаются – что уж там говорить о формулах!

По вторникам и четвергам в девять утра Дашкин девятый «А» заходит в кабинет химии. Мальчики заученно пропускают девочек, сами плетутся следом. Пронзительно-белый свет с потолка режет глаза – по контрасту с мутной осенью за окном. От стеклянной поверхности белой парты мерзнут ладони – экран из стекла защищает парту от химических реагентов. Дашке хочется, чтобы ее защитили тоже, укутали теплее, отгородили экраном, телепортировали, в конце концов, – из этого страшного кабинета, белого и стеклянного. Он напоминает ей и операционную, и секретную лабораторию, где проводят жуткие опыты, и обледеневший зимний лес...

Марья Тарасовна – царица страшного места, заслуженный учитель, величавая старуха с глянцевым начесом черных волос. У нее бордовый маникюр и смуглые старческие руки в пигментных пятнах. Чтобы не запачкать пальцы, кусочек мела она заворачивает в бумагу – тонкую, гофрированную.

«Здравствуйте, – надтреснутым голосом говорит Марья Тарасовна. – Садитесь...» И начинается Дашкин кошмар.

– О свойствах хлороводородной кислоты расскажет нам...
Фёдорова Дарья!

И Дашка восходит на кафедру, как на эшафот. В кабинете химии ведь не просто учительский стол, позади которого на стене – доска. Там перед доской еще длинное возвышение, чтобы опыты всем видно было. На него и ступает бедная Дашка. Стучать мелом по доске в миллион раз хуже, чем химические кракозябры писать в тетради!.. На своем месте, за белой стеклянной партой, привычно, хоть и противно. Привычно противно. А когда нос к носу столкнешься с собственным отражением в глубине зеленой доски, а наверху маячит уравнение, начерченное мелом... И надо сию минуту решать его, у всех на глазах... И вдобавок писать крупно, разборчиво, как требует Марья... Тут уж в голове совсем пусто становится!..

$\text{Na}_2\text{CO}_3 + 2\text{HCl} \rightarrow 2\text{NaCl}$ ... так, чего не хватает... плюс вода... плюс...

– Цэ о два! – шепчет Дашке сосед по парте, всезнающий Коля Камышов.

– Чего? – влоборота, краем губ шепчет она в ответ.

– Цэ! О! – Камышов изо всех сил округляет губы – вылитый карп! Дашка позавчера видела карпов в океанариуме. – О! Два!

Он показывает Дашке два пальца, но Дашка только нервно

моргает, и Камышов начинает заново:

– Цэ! О! О!!!

Марья на другом конце кабинета оборачивается, выразительно смотрит на Колю.

– О-о-о... – изображает зевание Камышов, прикрывая ладонью рот.

За партой в левом ряду подмигивает Дашке лучшая подруга Света Романчук: мол, ничего, прорвемся!.. Подмигивает, но не подсказывает: в химии она тоже не сильна.

$Zn + 2HCl \rightarrow \dots$ издевательство какое-то... Дашка волнуется, ее даже подташнивает...

$Zn + 2HCl \rightarrow ZnCl + H_2\dots$

Рука с мелом беспомощно опускается.

– Ну что? – раздраженно говорит Марья Тарасовна. – Фёдорова, мы не можем весь урок возиться с тобой! Что получится? Какая соль?

– Хлорид, – говорит Дашка. – Хлорид цинка...

– И как написать формулу?

Страшный вопрос. Дашка молчит. Ей не по себе, она ничего не соображает. Вернуться бы за свою стеклянную парту, на которой сиротливо лежат раскрытый учебник и любимая ручка с белым гусиным перышком...

– Хлорид цинка, Дарья, ну?!

Высокая прическа предупреждающе колышется в сторону Коли:

– Камышов! Не смей подсказывать!

... → $\text{ZnCl}_2 + \text{H}_2 \uparrow$ – не выдержав, дописывает сама Марья Тарасовна своим элегантным мелком в миниатюрной бу-
мажной юбке.

– С какими металлами кроме цинка взаимодействует со-
ляная кислота? – ударяет в Дашку последний страшный во-
прос.

От удара перехватывает дыхание. Ответа нет.

Химичка велит Дашке вернуться за парту. И вот она си-
дит, сжимая в руках ручку-перышко, а Марья поднимает на
нее тусклые глаза и чеканит каждое слово:

– За незнание. Простейших вопросов. И химических фор-
мул. Ставлю тебе. Два. – И буднично, без металлических ин-
тонаций, добавляет: – Свою тетрадь мне передай.

Дашкин скетчбук с пионами на обложке плывет по рядам
прямоком к Марье. Очень странная у нее привычка – про-
верять ведение тетради. Кому это вообще надо?!

«Ничего, успеешь исправить», – сочувственно шепчет Ка-
мышов. Ага, ему-то что... Он все уравнения и задачи решает
– на раз! И первые места на городских олимпиадах занима-
ет – и по химии, и по физике, и по математике. Самое обид-
ное, что списать у этого горе-вундеркинда нельзя – в слож-
ных задачах решения у него нестандартные... Да и не разо-
браться ничего: от камышовского почерка самые закаленные
учителя стонут. Но Колю не ругают, тетради ему проверяют,
пятерки ставят: одаренный ребенок!

– Эт-то что такое?!

Дашка вздрагивает, смотрит на Марию Тарасовну. А та всерьез недовольна, замораживает и глазами, и голосом. И опять не по себе Дашке, хотя волноваться больше нет сил.

– Почему. У тебя. Здесь. Написано. Что меня. Зовут. Мар-р-рья?!

Раскатистое «р» замирает в напряженно притихшем классе, и Дашка не понимает, в чем на этот раз виновата. Тетрадь передают ей обратно, и она видит: Марию угораздило заглянуть на первый разворот. Там, на обратной стороне обложки с пионами, Дашка записала себе ФИО преподавателя – «Ермакова Мария Тарасовна». Ну и что не так?..

– «Мария» – через «и»! Меня. Зовут. Мария! – гремит в тишине над головами удивленных учеников: вся школа, вплоть до директора, много лет называет химичку Марьей Тарасовной – как-то лучше, складнее звучит.

Мягкий знак в тетради у Дашки дважды зачеркнут красным, и на месте его пламенеет огромное «и». Маразм!

– А Марья-искусница – это в сказках, – добавляет химичка, скривив напомаженный бордовый рот.

Урок продолжается.

Дашка вздыхает, грустит... И улетает мыслями далеко-далеко. Ручка с белым перышком сама выводит условие задачи. Дано. Молярная масса. Если взвесить маляра... Та-ра-ра... Ох, нет, масса же молярная, значит, моль... Сколько весит сытая моль... Число Авогадро... А смешная фамилия! Почти авокадо... Как там у Северянина? У него про анана-

сы, но какая разница... Авокадо в шампанском, авокадо в шампанском, удивительно вкусно, искристó и острó! Дурацкие слова «искристó» и «острó», о чем думал поэт... Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!.. По-испански, кстати, «авокадо» – это адвокат.³

– Фёдорова! Почему не пишешь – ты уже всё решила?!

...Я отказываюсь отвечать без своего авокадо...

Прозвенел звонок с урока. Дашка схватила тетрадь, сунула в сумку, первой поднялась из-за парты. Скользнула скорей на свободу из ненавистного кабинета и даже дверью нечаянно хлопнула. Не сильно.

На парте осталась ручка-перышко.

Инна Евгеньевна, классный руководитель девятого «А», энергично хлопнула в ладоши:

– Поживей рассаживаемся, дорогие, поживей! Много надо успеть сегодня!

Камышов глянул на свои дорогие наручные часы (не родители подарили – сам заработал, выиграл в какой-то международной математической игре), шепнул Дашке: «Перемена еще четыре минуты и семь секунд». Но Инну Евгеньевну было не остановить.

– Так! Начинаем классный час! Важное сообщение: в пятницу к нам в школу приедут финны!

– Зачем? – устало спросил Камышов.

---

³ На самом деле героиня немного ошиблась: по-испански «адвокат» – *abogado* (а «авокадо» – *palta*) (*прим. ред.*).

– Перенимать педагогический опыт! И совместный проект у нас будет по экологии. Запишите себе: в четверг собираемся после уроков, готовим презентацию!

Дружное страдальчески-недовольное «у-у-у» прокатилось по классу.

– И не «у-у-у», – передразнила Инна Евгеньевна, – а чтобы в четверг все были как штык! Кровь из носу! Вы же дома готовитесь к приходу гостей, верно? – Инна выдержала эффектную паузу (возражать никто не посмел) и переключилась: – Кстати, общие фотографии пришли. Сейчас раздам... Да, слушаю, Даша?

Дашка, неуверенно поднявшая руку, тихо сказала:

– Можно выйти? Я ручку забыла на химии...

– Иди, конечно! – оживилась Инна. – Заодно фотографию отдашь Марье Тарасовне. – И она протянула Дашке традиционное сентябрьское фото их класса, на котором в этом году запечатлелись вместе с учениками и учителя, и директор – все-таки девятый класс, в конце года выпускной.

Дашка поплелась к жуткому белому кабинету. По дороге вспоминала, как Инна уговаривала Марию Тарасовну сфотографироваться с их девятым «А». Весь класс, фотограф, директор и другие учителя терпеливо ждали, а Мария отнекивалась: «Не хочу я, и не просите! Не в том возрасте, чтобы фотогеничной быть». Но уговаривать – ничего не скажешь – Инна умеет.

Дашка постучалась, заглянула в кабинет. Мария сидела за

учительским столом, что-то писала. Подняла на Дашку глаза:

– Фёдорова, ты ко мне? Ручку забыла?

Дашка подошла к столу, протянула фотографию:

– Это вам...

Марья проворно взяла снимок. Разглядывала его, придирчиво поджимая бордовые губы. А Дашка стояла рядом, не знала, что говорить и куда смотреть. Взгляд упал на идеально ровную нитку пробора в Марьиных волосах. Иссиня-черные по всей длине, у самых корней – на два миллиметра – они были неожиданно белые. «Так она седая... Она седая, просто красится...» – прилетела сама собой внезапная мысль.

Бордовый Марьин ноготь одобрительно постучал по глянце-вой поверхности фото – в том месте, где смотрело с него лицо самой Марьи, надменное, без тени улыбки.

– Да я тут красотка Мэри! – резюмировала она иронично, но видно было, что Марье снимок и вправду нравится. – Что ты стоишь, Фёдорова? Я же сказала – ручку можешь забрать.

К очередному уроку химии Дашка готовилась долго и нервничала особенно сильно: хочешь не хочешь, двойку надо исправить. Но случилось чудо, и не одно. Во-первых, в тот день с самого утра выпал снег, хотя был октябрь. Во-вторых, Марья встретила их какая-то непривычно тихая. Весь урок никого не спрашивала – только рассказывала сама о Менделееве, о его научных путешествиях и творчестве (так и говорила о его химических открытиях – «творчество»!), упоминала его дочь Любу, ставшую женой Александра Блока.

Говорила она интересно, размеренно и даже певуче, иногда бросая взгляд на снежное мельтешение за окном. А Дашка слушала ее и думала о том, что снег – белый песок...

Мы внутри огромных песочных часов, кто-то перевернул их – и на землю падает белое время. Но заснеженный день не видит, не знает этого – и дремлет, и не торопится никуда... Печально дремлет... день заснеженный... Деревья зябнут от тоски... И льется стон прощальной нежности в седые тихие пески...

А в конце урока, когда все приготовились по традиции записать километры домашки, Марья спросила:

– Кто знает, какой сегодня праздник?

Все замолчали в недоумении, а Дашка тихо сказала:

– Покров.

Марья услышала, приподняла нарисованные брови:

– Что, одна Фёдорова знала? Так вот, в честь праздника... – Тут прозвенел звонок, и Марья закончила, повысив голос: – В честь праздника я ничего вам не задаю!

Класс довольно загудел, загремел отодвигаемыми стульями.

А через месяц Марья умерла.

Нет, не так, не внезапно... Марья легла в больницу на операцию. Об этом сказала девятому «А» новая, временная химичка – длинноносая, долговязая и совсем не злая Нонна Сергеевна, к которой мигом прилепилось прозвище Нос. Потом от нее класс узнал, что Марья вернулась из больницы

домой, выздоравливает... А потом Инна Евгеньевна собрала всех на внеплановый классный час.

– Сегодня мы получили трагическое известие!.. – В классе стало тихо, и в этой тишине молодой Иннин голос звенел слезами, но звучал всё равно задорно, совсем не трагически. – Скончалась Марья Тарасовна Ермакова – прекрасный человек, заслуженный учитель! Я прошу почтить ее память минутой молчания!

Было слышно, как что-то жужжит под потолком. То ли неисправная лампочка, то ли муха (в ноябре – откуда взялась?). Головы Дашка не поднимала. Класс стоял, класс молчал. Минута истекла.

Инна вздохнула, посмотрела зачем-то вниз – на свои модные туфли цвета металлик. Чуть заметно качнулась на каблуках. Откашлялась.

– Так... Скоро День волонтера, давайте наметим программу. Во-первых... – Инна запнулась, поискала маркеры возле доски. Не нашла и послала Дашку за новыми – в учительскую.

В большой светлой комнате, где обычно сидели учителя, никого не было. Но за стенкой, в кабинете завуча, позванивали чашки, шел разговор.

– Надо же, сначала выздоровела...

– Да нет, операция неудачно...

Дашка замерла, невольно прислушалась.

– Так ее экстренно увезли, было поздно лечить...

– В сознании?

– Ну да, до конца оставалась...

– В больнице, в последние часы, у дочери спрашивала:

«Это всё, да? Это уже всё?»

– Дочь-то была?

– Прилетела, еле успела. Сложные у них были отношения...

– Внуки? Нет, не было...

...Печально дремлет день заснеженный... Деревья зябнут от тоски... И льется стон прощальной нежности в седые тихие пески...

Звенит хрустальный лес на дудочке

невыплаканных белых слез...

Сегодня умерла Снегурочка...

Ей очень холодно жилось...

Дашка вернулась из школы домой, села за письменный стол – набросать стихи про хрустальный лес, начать делать уроки. Но ни строчки, ни тем более вопросы задачника не задерживались в голове – там крутилось на разные лады лишь одно: «Это уже всё, да? Всё уже? Это – всё?» Так и спросила ведь Марья. Как ей, наверное, было страшно!..

Дашка и сама не совсем понимала, что «это» и что «всё», но вопрос вставал перед ней целый день – с листков заветного блокнота в бархатистой обложке, со страниц учебника, из зеркала, из чашки чая, из заснеженного законного мира...

«Это уже всё, да?»

Вопрос был сложнее, чем все формулы вместе взятые.

Над вопросом предстояло подумать.

Поэт и смерть

В ноябре, когда похоронили химичку Марью Тарасовну, Дашка задумалась о собственной смерти. Все началось с того, что Инна Евгеньевна попросила у директрисы автобус, собрала свой девятый «А» и повезла на кладбище – «почтить память нашего заслуженного учителя».

Оказалось, что Марья, такая знакомая Марья, с бордовым маникюром и надтреснутым голосом, с кошмарными вопросами про оксид аммония и ортофосфаты, грозная Марья, перед которой из года в год трепетали ученики... превратилась в серую плиту. Простую, нестрашную. Не то из мрамора (CaCO_3), не то из гранита (SiO_2) – верная формула никого не интересовала. На плите вырубили даты рождения и смерти, пару гвоздичек и заметные издалека крупные буквы: «Ермакова Мария Тарасовна».

Девятый «А» потоптался возле Марьи-плиты, постоял с опущенными головами. Инна сказала короткую речь – «уникальный человек», «сорок лет отдала школе», – положила к плите букет хризантем, и под морозящим дождем все пошли обратно к автобусу.

До вечера Дашка о Марье не думала – ну «почтили память», и правильно... Перед сном, как всегда, пила ароматный чай каркаде, разглядывала звезды на темном небе, переступала босыми ногами под душем, кутаясь в пену люби-

мого геля с лавандой и представляя себя Афродитой на Кипре, выходящей из вод морских, а потом юркнула в кровать, включила зеленоватый ночник и долго лежала в мерцающем забытии между сном и явью. Воздушный и сладкий, как облако сахарной ваты, незаметный сон обнимал Дашку... И на дне дремотного облака вспыхнула мысль: «Я тоже когда-то умру».

Не поспоришь.

Мысль казалась такой простой и логичной, что удивительно стало, где она была раньше.

«Я тоже. Когда-то. Умру».

Дашка не испугалась, но почувствовала себя странновато. Провела руками по одеялу, перевернула подушку прохладной стороной вверх, носом потерлась о хлопковую поверхность, уловила тонкий запах лаванды. Вот сейчас, прямо сейчас, это все при ней – тело и кровать, комната и ночник. А потом все куда-то денется, не останется ничего? И она, Дашка, в этом ни-че-го как-то будет – не-жить? Не чувствовать запах, не видеть свет, не ощущать своих рук и ног...

На секунду ей вроде бы удалось почувствовать, как именно это будет, и Дашка испугалась, что уже умерла. Помотала головой по подушке, пяткой правой ноги почесала левую, пошевелила пальцами на руках. Нет, всё в норме. Она живая.

«А когда я умру, то буду – в смысле не-буду – серой плитой, как Марья?»

Вторая мысль получилась длиннее и хуже первой. Даш-

ка вспомнила каменный прямоугольник на кладбище, и изображение вывело на нем крупные буквы: «Фёдорова Дарья Максимовна». Ужас какой. Нет, нет! Я не хочу становиться буквами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.